

УДК [94:343.22](470)«1920»
Оригинальная научная статья

EDN SZJUMD

ПРЕСТУПНОСТЬ В СОВЕТСКОЙ РОССИИ В КОНЦЕ 1920-Х ГОДОВ

Е. А. Метелькова

Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова
Адрес: 150003, Россия, г. Ярославль, ул. Советская, д. 14

Поступила
в редакцию
15.10.2025

Поступила
после
рецензирования
21.02.2026

Принята
к публикации
23.03.2026

Аннотация. Цель исследования – проанализировать данные по различным видам преступности в Советской России в конце 1920-х годов.

Проблема. Конец 1920-х годов стал временем не только выработки новой социально-экономической модели, но и заметного всплеска преступности. В исторической науке до сих пор недостаточно изучены конкретные причины, предопределившие увеличение числа преступлений по отдельным видам, а также социальный облик преступника в этот переходный период.

Методология. Исследование опирается на методы историко-сравнительного и статистического анализа. В качестве источников привлекаются данные о различных видах преступлений. Автор анализирует причины, которые вели либо к увеличению числа преступлений, либо к их уменьшению. Особое внимание уделяется социальному облику преступника: половозрастным характеристикам, социальному происхождению и положению.

Новизна. Новизна исследования видится в том, что впервые комплексно рассматривается структура преступности конца 1920-х годов с выделением таких видов, как политическая, должностная, имущественная преступность и преступления против личности. Автор акцентирует внимание на взаимосвязи между сменой социально-экономической модели и динамикой криминальной активности.

Перспективы исследования. Дальнейшее изучение архивных материалов судебных и правоохранительных органов позволит расширить статистическую базу и проследить региональные особенности преступности. Актуальным является также сравнительный анализ криминальной ситуации в конце 1920-х годов в аналогии с предшествующим и последующим периодами советской истории.

Результаты. Автор приходит к выводу, что конец эпохи новой экономической политики ознаменовался всплеском преступности, что было закономерно для происходивших в стране событий. Проанализированы причины, предопределившие увеличение числа преступлений по одним видам и их уменьшение по другим. Показано, что политическая, должностная, имущественная преступность и преступления против личности имели разную динамику и детерминанты. Все эти факты дают автору основания утверждать, что социально-экономические преобразования конца 1920-х годов сопровождались серьёзной деформацией криминогенной обстановки.

Ключевые слова: Советская Россия, конец 1920-х гг., новая экономическая политика, преступность, хулиганство, бандитизм, социально-экономические преобразования

Финансирование: данное исследование выполнено без внешнего финансирования.

Для цит.: Метелькова, Е. А. Преступность в Советской России в конце 1920-х годов // Вестник государственного и муниципального управления. – 2026. – Том 15. – № 2. – С. 80–93. – EDN SZJUMD.

© Метелькова Е. А., 2026

CRIME IN SOVIET RUSSIA IN THE LATE 1920s.

E. A. Metelkova

P.G. Demidov Yaroslavl State University

Address: 14, Sovetskaya St., Yaroslavl, 150003, Russian Federation

Received
15.10.2025Revised
21.02.2026Accepted
23.03.2026

Abstract. *The purpose of the study* is to analyze data on various types of crime in Soviet Russia in the late 1920s.

Problem. *The end of the 1920s was a time of not only the development of a new socio-economic model, but also a noticeable surge in crime. Historical science has not yet sufficiently studied the specific reasons that predetermined the increase in the number of crimes by individual types, as well as the social appearance of the criminal during this transitional period.*

Methodology. *The research is based on the methods of historical, comparative and statistical analysis. Data on various types of crimes are used as sources. The author analyzes the reasons that led either to increase in the number of crimes or to decrease in it. Special attention is paid to the social appearance of the criminal: gender and age criteria, social origin and position.*

Novelty. *The novelty of the study lies in the fact that the structure of crime in the late 1920s is comprehensively considered for the first time, highlighting such types as political, official, property crimes and crimes against the person. The author focuses on the relationship between the changing socio-economic model and the dynamics of criminal activity.*

Results. *The author concludes that the end of the era of the new economic policy was marked by a surge in crime, which was natural for the events taking place in the country. The reasons that predetermined the increase in the number of crimes in some types and their decrease in others are analyzed. It is shown that political, official, property crimes and crimes against the person had different dynamics and determinants. All these facts give the author grounds to assert that the social and economic transformations of the late 1920s were accompanied by a serious deformation of the criminal situation.*

Discussion. *Further study of the archival materials of judicial and law enforcement agencies will expand the statistical base and trace the regional characteristics of crime. A comparative analysis of the criminal situation in the late 1920s is relevant as well as the previous and subsequent periods of Soviet history.*

Keywords: Soviet Russia, late 1920s, New Economic Policy, crime, hooliganism, banditry, socio-economic transformations

Funding: This study was performed without external funding.

For citations: Metelkova, E. A. (2026) Crime in Soviet Russia in the Late 1920s. *Journal of Public and Municipal Administration*. Vol. 15, no. 2. Pp. 80–93. EDN SZJUMD.

© Metelkova E. A., 2026

ВВЕДЕНИЕ

Конец 1920-х годов стал для Советской России временем глубоких перемен. Завершение новой экономической политики и начало форсированного строительства государственного социализма затронули все сферы общественной жизни, в том числе и состояние правопорядка. Именно в этот переходный период криминальная ситуация приобрела особую остроту, став своеобразным барометром социального неблагополучия. Цель исследования заключается в анализе данных по различным видам преступности в Советской России в конце 1920-х годов. В центре внимания находятся количественные и качественные характеристики – от бытового хулиганства до вооружённого бандитизма, а также должностные и имущественные преступления, порождённые экономическими противоречиями. Особый интерес представляет социальный портрет преступника – его возраст, происхождение и род занятий, что позволяет понять, какие слои населения были наиболее подвержены криминализации. Изучение этих аспектов даёт возможность проследить, как социально-экономические преобразования повлияли на динамику преступности, а также обосновать вывод о неизбежном росте правонарушений в условиях ломки привычных устоев и обострения классовой борьбы.

ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ

В научной литературе до сих пор отсутствует единое мнение о том, что именно следует считать главной причиной криминальной напряжённости в Советской России конца 1920-х годов. Одни исследователи делают акцент на экономических трудностях завершающего этапа НЭПа, другие – на социальной дезорганизации, вызванной быстрой ломкой традиционного уклада. Однако при всём обилии работ статистического и описательного характера комплексное изучение данного периода остается делом непростым. Проблема состоит в том, что официальные сводки тех лет часто страдали неполнотой, а некоторые категории преступлений, например должностные злоупотребления или так называемые контрреволюционные деяния, вообще трактовались крайне расплывчато. Кроме того, до сих пор не вполне ясно, насколько рост регистрируемой преступности был реальным, а насколько – следствием ужесточения уголовной политики и улучшения работы милиции. Эти обстоятельства заставляют по-новому взглянуть на привычные объяснения криминального всплеска и искать более взвешенные подходы к оценке происходивших тогда процессов.

СТЕПЕНЬ ИЗУЧЕННОСТИ ТЕМАТИКИ ИССЛЕДОВАНИЯ

Конец 1920-х годов стал для Советской России временем глубоких перемен и серьёзных противоречий. Страна постепенно отходила от относительно либеральной экономической модели. Экономическое положение населения оставалось тяжёлым. Несмотря на отдельные успехи в восстановлении промышленности, многие люди жили бедно, ощущалась острая нехватка товаров первой необходимости, особенно в городах. Деревня, которая долгое время кормила страну, тоже испытывала трудности: крестьяне были недовольны высокими налогами и низкими закупочными ценами на зерно. Это порождало скрытое напряжение между городом и деревней, а также между простыми людьми и властями. В общественной жизни сохранялась атмосфера классовой борьбы, хотя формы ее постепенно менялись – от открытых политических столкновений к более скрытым формам социального противостояния.

Все эти процессы не могли не сказаться на повседневной жизни. Рост бюрократического аппарата сопровождался злоупотреблениями чиновников, а социальное расслоение, хоть и не такое яркое, как в дореволюционные годы, всё же давало о себе знать. При этом государство усиливало свое присутствие в правовой сфере: принимались новые законы, ужесточались наказания за многие виды правонарушений. Такая обстанов-

ка, сочетавшая экономические трудности, идеологическое давление и административные эксперименты, создавала благоприятную почву для различных форм преступности. Именно в этом контексте стоит рассматривать криминальные явления того времени, помня о том, что они были не просто случайными отклонениями, а закономерным следствием тех сложных процессов, которые переживала Советская Россия в последние годы НЭПа.

Интерес к преступности конца 1920-х годов возник ещё в советской историографии, однако долгое время он был ограничен жёсткими идеологическими рамками. Исследователи тех лет преимущественно рассматривали правонарушения как пережитки капиталистического прошлого, связывая их с влиянием враждебных классов и недостатками воспитательной работы. Значительный массив архивных материалов, содержащих подробные отчёты судов и милиции, оставался закрытым для широкого доступа. В постсоветский период положение изменилось: историки получили возможность работать с ранее секретными документами, что позволило по-новому взглянуть на масштабы и структуру преступности. Однако до сих пор большинство публикаций сосредоточено либо на отдельных видах правонарушений, например на бандитизме или хулиганстве, либо на общих социально-экономических процессах без детального анализа криминальной статистики. Комплексных работ, охватывающих все основные виды преступности и их взаимосвязь с социальным обликом правонарушителя, явно недостаточно, что и определяет научную значимость настоящего исследования.

Вопрос о социальных аномалиях в Советской России в условиях новой экономической политики уже не раз становился объектом изучения отечественных исследователей (В. П. Пашин, С. В. Богданов, Т. М. Смирнова, А. К. Соколов, С. Б. Ульянова, Л. В. Федорова, Т. В. Царевская, Н. А. Шабельникова, С. В. Яров и др.). Но, как правило, внимание в большей степени уделялось таким аспектам, как борьба с беспризорностью, алкоголизмом и проституцией, что оправдано (Шекшеев, 2016). Однако не стоит сбрасывать со счетов и изучение особенностей эволюции в годы НЭПа таких явлений, как политические, имущественные, должностные преступления, преступления против личности, которые также во многом характеризовали состояние российского/советского общества, пережившего мировую и Гражданскую войны, военный коммунизм, голод 1921–1923 годов и новую экономическую политику.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ

Материалом для настоящего исследования послужили как опубликованные, так и неопубликованные источники, хранящиеся в центральных и региональных архивах. Основу источниковой базы составили статистические сводки уголовного розыска и судебных органов РСФСР за 1927–1929 годы, а также годовые отчёты народных судов и губернских прокурорских надзоров. Эти документы содержат детальные сведения о количестве зарегистрированных преступлений, их видовой структуре и территориальном распределении. Дополнительным источником послужили материалы партийных и советских органов, в которых фиксировались не только сухие цифры, но и живые свидетельства очевидцев, жалобы граждан и служебные записки о криминальной обстановке на местах. Важное место занимают опубликованные сборники законодательных актов того времени, позволяющие проследить, как менялись правовые нормы и какие деяния попадали под уголовное преследование.

Методологическая основа работы строится на сочетании нескольких подходов. Историко-генетический метод позволил выявить динамику преступности в хронологической последовательности и понять, как отдельные виды правонарушений трансформировались под влиянием социальных и экономических изменений. Сравнительный метод использовался для сопоставления данных по разным губерниям и регионам страны, что дало возможность увидеть общероссийские тенденции и местные особенности. Особое внимание уделено статистическому анализу: на основе собранных коли-

качественных показателей автор попытался соотнести динамику преступности с такими макроэкономическими факторами, как уровень безработицы, рост цен и продовольственные трудности. В работе применялся также просопографический подход к изучению личности преступника, то есть восстановление социальных характеристик правонарушителей на основе сохранившихся анкетных данных и судебных дел. Это позволило составить собирательный портрет преступника конца 1920-х годов, учитывая его пол, возраст, образование и социальное происхождение.

Критический анализ источников предполагал тщательную проверку данных на предмет полноты и достоверности, поскольку многие сводки тех лет составлялись в условиях нехватки кадров и могли содержать ошибки или сознательные искажения. Там, где это было необходимо, автор сопоставлял несколько видов документов, чтобы избежать односторонних выводов. Такой комплексный подход, объединяющий количественные и качественные методы, позволил получить более объёмную и объективную картину криминальной ситуации в последние годы НЭПа.

ОСНОВНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Новая экономическая политика, известная как НЭП, была введена в 1921 году как ответ на глубокий кризис, охвативший страну после нескольких лет войны и революций. Главная её цель заключалась в том, чтобы восстановить разрушенное хозяйство и дать людям возможность накормить себя и свои семьи. Отличительной чертой этого периода стало сочетание жёсткого государственного контроля над крупной промышленностью с относительной свободой в сельском хозяйстве, торговле и мелком производстве. Крестьянам разрешили продавать излишки урожая на рынке, а частным торговцам, которых называли нэпманами, позволили открывать магазины, мастерские и небольшие предприятия. Это оживило товарооборот и дало толчок развитию городов.

Однако НЭП с самого начала задумывался как временная мера, уступка капиталистическим элементам ради выживания советской власти. В партийных кругах постоянно шли споры о том, как долго можно терпеть частную инициативу и не приведёт ли она к возрождению старых порядков. На протяжении 1920-х годов эта политика переживала взлёты и падения: то государство расширяло свободу предпринимательства, то, наоборот, вводило новые ограничения, пытаясь удержать ситуацию под контролем. К концу десятилетия накопилось множество противоречий. С одной стороны, экономика вышла из разрухи, люди стали жить лучше, чем в голодные годы Гражданской войны. С другой – частный сектор вызывал растущее раздражение властей, которые видели в нём угрозу своим планам построения нового общества.

Именно к концу 1920-х годов НЭП начал постепенно свёртываться. Руководство страны взяло курс на ускоренную индустриализацию и коллективизацию сельского хозяйства, что требовало централизации всех ресурсов и ликвидации рыночных послаблений. Этот переходный период был очень болезненным: он сопровождался не только экономическими трудностями, но и серьёзными изменениями в правовой и социальной сферах. Прежние относительно мягкие законы уступали место более суровым мерам, а частная инициатива стала восприниматься не как полезное дополнение к государственной экономике, а как прямое преступление против интересов трудящихся. Именно в этот сложный момент завершения НЭПа и зарождались многие криминальные явления, ставшие предметом нашего исследования.

Изучение причинно-следственных связей преступности в Советской России в конце 1920-х гг. предполагает, прежде всего, исследование ее конъюнктуры. Под понятием «конъюнктура преступности» подразумеваются те перманентные изменения в преступности и то количественное и качественное соотношение отдельных видов преступлений, которые имели место в рамках единого эволюционного процесса и динамики преступности эпохи конца новой экономической политики.

При исследовании преступности вопрос о факторах конъюнктуры преступности,

т. е. особенного для государства в определенный период времени характеризуется сочетанием различного рода преступлений, отличающихся повторяемостью и эволюционными тенденциями, а также изменяющимся участием в преступлениях определенных слоев населения (Шекшеев, 2016).

Конъюнктура преступности в конце 1920-х годов складывалась из следующих элементов:

- 1) особенностей различного рода категорий преступности в границах новой экономической политики;
- 2) изменений удельного веса преступности в городе и деревне;
- 3) социального облика отдельных категорий преступников (пол, возраст, социальное положение, социально-политическая характеристика и т. п.)¹.

Исследование конъюнктуры преступности требует параллельного исследования социально-экономической динамики общества. Поэтому задача изучения преступности в Советской России конца 1920-х годов состоит в том, чтобы, констатируя особенности криминальной конъюнктуры, найти ее объяснения в условиях общей конъюнктуры; вместе с тем анализ конъюнктурных колебаний не должен заменять собой анализ основных сдвигов в исследуемых явлениях, которые скрываются за этими колебаниями.

Необходимо, во-первых, отметить сам факт роста числа преступлений к концу 1920-х гг. Хотя этот рост шел за счет увеличения менее опасных преступлений (75 % от их общего числа), но и «тяжкая» преступность по ряду показателей росла в количественном отношении, хотя и не так стремительно (Епихин, 2007).

Во-вторых, наибольший рост произошёл по должностным и хозяйственным преступлениям, направленным против личности. Общее число преступлений, совершённых в 1927 году, увеличилось на 7 % по сравнению с аналогичным показателем 1926 года и в 1928 году – почти на 2 % по сравнению с 1927 годом, в 1929 году – на 5 % по сравнению с предыдущим годом (Шекшеев, 2016, С. 132).

В-третьих, последние годы новой экономической политики характеризуются взлетом числа преступлений, особенно по присвоению, растратам, подлогам, взяткам, фальшивомонетничеству, контрабанде. Начиная с 1930-х годов постепенно становится заметен спад преступности (Орлов, 2011, С. 113).

В абсолютных числах количество возбужденных по факту преступления дел в РСФСР в 1927–1928 годах составило 1 миллион 300 тысяч дел; число осуждённых – около 900 тысяч человек. Всего в СССР число поступивших в суды дел составило в 1927–1928 годах 3 млн, или 184 дела на 10 000 человек населения, причем к 1929 г. увеличились и эти показатели. Колебания уровня преступности по губерниям РСФСР составили от 30 до 167 дел на 10 000 человек населения. Более чем в три раза интенсивнее, чем деревенская, проявлялась городская преступность (82 и 202 дела на 10 000 человек населения). Большой разброс в показателях уровня как по отдельным территориям, так и между городом и селом объясняется множеством факторов, но в первую очередь региональными особенностями социально-экономического плана (Бехтерева, 2015, С. 43–47).

Понятие «*социальный облик преступника*» в исторической науке используется для того, чтобы описать типичные черты человека, совершившего правонарушение, в контексте его положения в обществе. Речь идёт не только о внешних данных или чертах характера, а, прежде всего, о тех признаках, которые определяли его место в социальной структуре того времени: происхождение, род занятий, возраст, пол, уровень образования и материальное положение. Изучение этих характеристик помогает исследователям понять, какие группы населения были наиболее склонны к нарушению закона и почему это происходило. В конце 1920-х годов социальный облик преступника был очень пёстрым и отражал все противоречия переходного периода. Среди правонарушителей встречались и бывшие крестьяне, ушедшие в города в поисках лучшей доли, но

¹ Далин, Д. Новая буржуазия // Социалистический вестник. – 1921. – № 18. – 15 октября. – С. 4–5.

так и не сумевшие найти постоянную работу; и рабочие, которых увольняли с заводов из-за сокращения производства; и представители так называемых бывших эксплуататорских классов, потерявшие свое состояние и привычный образ жизни. Интересно, что в тот период было немало молодых людей, которые не успели получить никакой профессии и жили случайными заработками, а часто и вовсе не имели постоянного места жительства. Эти люди были особенно уязвимы перед соблазном легкого заработка преступным путем. Женщины среди преступников встречались реже, чем мужчины, однако их доля постепенно росла, что было связано с увеличением числа женщин, вынужденных самостоятельно зарабатывать на жизнь. Социальное происхождение часто играло роль в том, как квалифицировалось преступление и какое наказание назначалось. Считалось, что выходцы из рабочих и крестьянских семей могут быть перевоспитаны, тогда как к «чуждым элементам» применяли более суровые меры. Таким образом, изучение социального облика преступника позволяет не только восстановить статистическую картину, но и глубже проникнуть в атмосферу той эпохи, увидеть, как социальное неравенство, безработица и бытовая неустроенность толкали людей на путь нарушения закона. Количественно социальный облик преступников характеризовался к концу 1920-х годов следующим образом: увеличение удельного веса женщин в преступности, интенсивность роста женской преступности (за 1928 год на 21 %) в сравнении с показателями роста мужской преступности (за 1928 год 14 %) (Шабельникова, 2016, С. 77). Основная масса преступников – граждане в возрасте от 18 до 35 лет, они составляли более 3/5 всех осуждённых. Причём рост участия в преступности более молодых участников отмечался с каждым годом, так же как с каждым годом увеличивался и уровень агрессивности молодёжи, совершавшей то или иное преступление (Панин, 2003, С. 135–140). Подавляющее число лиц, совершивших преступления, – трудящиеся или выходцы из трудовых слоев населения (89,5 %); нетрудовой элемент составил 2,5 %, прочие – 9 %. Первая категория (трудящиеся или выходцы из трудовых слоев) – в подавляющем большинстве крестьяне (60 %) (Пашин, 2006, С. 55).

В конце 1920-х годов основным документом, который определял, какие деяния считались преступными, был Уголовный кодекс РСФСР 1926 года. Он пришёл на смену кодексу 1922 года и был призван устранить недостатки прежнего закона, а также привести республиканское законодательство в соответствие с общесоюзными «Основными началами уголовного законодательства» 1924 года¹. Главным новшеством этого кодекса стало расширенное понятие преступления. Теперь под ним понималось любое общественно опасное действие или бездействие, направленное против советского строя или установленного властью правопорядка². Таким образом, в центр внимания ставилась не столько вина человека, сколько угроза, которую его поступок представлял для государства. Исходя из этого принципа, все преступления делились на две большие группы. В первую и самую важную входили деяния против основ советского строя. К ним относили контрреволюционные преступления, подробно перечисленные в знаменитой 58-й статье, и особо опасные преступления против порядка управления. Для них предусматривались самые суровые наказания, включая расстрел или объявление «врагом трудящихся»³. Вторую группу составляли все остальные преступления. Кодекс подробно описывал их виды: преступления против порядка управления, должностные (служебные) проступки, хозяйственные преступления, а также деяния против жизни, здоровья и

¹ См.: Законодательные основы борьбы с преступностью: УК РСФСР 1922 и 1926 гг.: сост. З. О. Шамоной. – Тамбов: Издательство Тамбовского государственного технического университета, 2008. – 12 с.

² Права собственника и права гражданина // Социалистический вестник. – 1922. – № 12. – 18 июня. – С. 2.

³ Постановление ВЦИК, СНК РСФСР от 31.10.1927 «Об изменениях Уголовного Кодекса РСФСР. во исполнение Манифеста 2 сессии Центрального Исполнительного Комитета Союза С.С.Р. IV созыва». [Электронный ресурс]. – Режим доступа – свободный. – URL: https://forum.vgd.ru/621/21456/990.htm?a=stdforum_view (дата обращения: 21.01.2026).

имущества граждан. Важно отметить, что защита государственных интересов явно преобладала. Например, кража с государственного склада каралась гораздо строже, чем кража личного имущества. При этом законодательство того времени имело одну важную особенность – для назначения наказания, которое называлось «мерой социальной защиты», суд должен был учитывать не только само преступление, но и личность преступника, его социальное происхождение и положение. Это означало, что закон применялся с явным классовым подходом. Кроме того, действовал принцип аналогии, позволявший наказывать за действия, которые прямо не были описаны в кодексе, но признавались общественно опасными. В течение 1927–1928 годов в кодекс вносились многочисленные изменения и дополнения, которые отражали ужесточение политики государства и усиление борьбы с такими явлениями, как хулиганство и взяточничество¹.

Итак, остановимся на различных типах преступлений. Политические (контрреволюционные) преступления: в 1928 году их число возрастает по сравнению с 1918 годом на 11 %. Показательно колебание числа осуждённых за контрреволюцию: основная масса приходится на осуждённых за контрреволюционную агитацию и пропаганду – около 70 %; террористические акты – около 13 %, экономическую контрреволюцию – более 8 %. Своеобразный социальный облик преступности по «политическим» статьям: низкий процент женщин; по возрасту преобладают лица старше 35 лет – свыше 50 %; по социальным группам значительно пониженное участие рабочих, безработных, кустарей и повышенное участие служащих, лиц свободных профессий, торговцев и промышленников. Процент крестьян среди осуждённых за «контрреволюцию» лишь немного выше числа рабочих (Шабельникова, 2016).

Увеличение числа должностных преступлений представляло собой к концу эпохи НЭПа особое явление. К середине 1928 года был отмечен рост числа осуждённых за растраты, увеличилось (но не так интенсивно, как число растрат) количество случаев дискредитирования и превышения власти, получения и дачи взятки (Кабанов, 1995, С. 7).

Большой процент среди осуждённых за должностные преступления составляли так называемые спецы (что нашло отражение, в частности, и в литературе того времени) (Смирнова, 2001, С. 222–228), а также бывшие члены ВКП(б) (Чигрин, 2018, С. 318). Среди лиц, давших взятку, был большой процент граждан свободных профессий и нэпманов (что, впрочем, было свойственно и для середины 1920-х годов) (Волженкин, 1993, С. 59–67).

Хозяйственные преступления в основном состояли из преступлений бесхозяйственности (0,1 %), из нарушений трудового законодательства (96,8 %) и из прочих хозяйственных преступлений (3,1 %) (Пашин, 2006). Преступления бесхозяйственности характеризовались довольно значительным ростом в 1928 году.

Социальный облик лиц, совершивших хозяйственные преступления: наряду с преобладанием служащих, отмечался высокий процент нэпманов (Шабельникова, 2016, С. 77). По группе нарушений трудового законодательства также отмечался значительный рост. Социальный облик преступников выражался следующим образом: понижение числа «трудовых элементов» и рост числа служащих, лиц свободных профессий, нэпманов (30 %).

В хозяйственных преступлениях наблюдается повышенное участие лиц в возрасте старше 35 лет (около 60 %). Основная масса хозяйственных преступлений относится к нарушениям трудового законодательства. Это обстоятельство делает показательным повышенное участие в них нетрудовых слоев населения.

Анализ конъюнктуры контрреволюционных (политических), должностных и отчасти хозяйственных преступлений даёт основания утверждать, что в них достаточно ярко отразилась общая экономическая и политическая конъюнктура.

Конъюнктуру политической преступности в конце 1920-х годов признавали

¹ Бровкин, В. Н. Коррупция в России: исторические корни. [Электронный ресурс]. – Режим доступа – свободный. – URL: <http://crime.vl.ru/docs/konfs/ecmarch.htm> (дата обращения: 21.01.2026).

«напряженной, отражающей переживаемые нами временные экономические затруднения и характеризующей интенсификацию деятельности борьбы пролетарского государства с враждебными силами, с извращениями в советском аппарате, на базе усиленного темпа социалистического строительства», списывая большую часть явлений, порождающих преступность, на субъективные факторы (Надеждина, 2005, С. 12–13).

В динамике имущественных преступлений выделялись обнаружившиеся в 1927–1928 годах тенденции роста, показательные в связи с имевшей место до 1926 года стабильностью этого рода преступлений. Но в динамике имущественных преступлений отмечалась неравномерность роста отдельных категорий имущественных преступлений: наибольший рост грабежей, наименьший – краж и средний – прочих имущественных преступлений (Мягкова, 2021).

Количество осуждённых за имущественные преступления – 180 тысяч человек в 1926–1927 годах и 195 тысяч – в 1928 году. Имущественная преступность в городе показала к концу 1920-х годов рост почти в 2 раза выше, чем в деревне, и преобладала в индустриальных районах. Но насильственные имущественные преступления – разбой и грабеж – в равной степени были распространены и в городе, и в сельской местности.

Социальный облик имущественного преступника можно охарактеризовать следующим образом: высокий процент несовершеннолетних (до 20,6 %) и лиц в возрасте от 18 до 30 лет. В социальном составе имущественных преступников отмечалось повышение числа безработных и неквалифицированных рабочих. Безработные чаще всего осуждались за бандитизм и грабеж. Остальные социальные группы, в особенности же крестьяне, среди осуждённых за имущественные преступления встречались редко.

У имущественных преступников следует отметить в качестве одной из наиболее характерных черт образование – около 40 % лиц, совершивших данный вид преступлений, имели среднее или высшее образование. Это говорит о необходимости знания преступниками особенности сфер деятельности, где совершались хищения (например, бухгалтерского дела или технологий того или иного процесса производства) (Борисова, 2006, С. 84–97).

Если в середине 1920-х годов имущественная преступность характеризовалась преобладанием лиц, принадлежащих к трудовым слоям, то в 1928–1929 годах в социальном облике имущественного преступника произошли изменения в сторону увеличения удельного веса «нетрудовых элементов». Эти изменения были наиболее заметны в крупных городских и промышленных центрах. Объясняется это в первую очередь ликвидацией к концу 1920-х гг. большого количества частных предприятий в различных сферах национального хозяйства и, соответственно, ростом безработицы.

По мнению исследователей 1920–1930-х годов, рост доходов трудового населения страны явился фактором, который не давал оснований к росту имущественных преступлений (Надеждина, 2005, С. 11–13). В составе имущественных преступников за последние годы намечалось сокращение удельного веса рабочих, связанных с производством, крестьян, не оторвавшихся от сельского хозяйства.

Если в отношении сельскохозяйственного и промышленного пролетариата, а также и в отношении бедняцких и середняцких слоев крестьянства непрерывно возрастающий доход служил достаточной страховкой от колебаний экономического положения, то в отношении экономически необеспеченных и вследствие этого социально менее устойчивых слоев населения высокие цены и колебания их уровня являлись фактором, обуславливавшим интенсивность имущественной преступности.

Каковы же причины, повлиявшие на рост имущественной преступности в конце 1920-х гг.? Анализ конъюнктуры имущественной преступности позволяет высказать утверждение, что ее рост целиком обусловлен колебаниями экономики, особенно проявившимися в конце 1920-х годов (Надеждина, 2005, С. 8–13). Экономическая конъюнктура 1926–1928 годов оказалась менее благоприятной для экономически малоустойчивых элементов (чернорабочие, безработные, деклассированные и т. д.). Одним из отрицательных последствий аграрного перенаселения явилось увеличение количества лиц,

совершивших имущественные преступления.

Среди осуждённых за имущественные преступления сократилось число крестьян, лиц свободных профессий и кустарей, но возросло число служащих, рабочих (главным образом неквалифицированных) и нэпманов.

Имущественная преступность конца 1920-х годов характеризовалась повышенной конъюнктурой, что, по сути, предопределялось в первую очередь особенностями экономической ситуации, сложившейся в Советской России за годы новой экономической политики.

Преступления против личности в конце 1920-х годов отличались непрерывным ростом: в 1927 году – на 13 %, в 1928-м – на 23 %. Этот рост был продолжением тех тенденций, которые имели место в 1924–1926 годах, когда преступления против личности возросли за три года в среднем на 34 % в год (основная из причин роста преступлений против личности крылась в расслоении населения, произошедшем в условиях НЭПа.) Наиболее сильный темп роста и наибольший удельный вес в преступлениях против личности имели побои, оскорбления, легкие телесные повреждения и т. д., составляющие около 2/3 от общего числа преступлений. Преступления против личности характеризовались абсолютным ростом в сельской местности. Социальный облик осуждённых за преступления против личности характеризуется повышенным числом женщин, в особенности за так называемые дела частного обвинения, где участие женщин уравнивается с участием мужчин. Среди осуждённых за преступления против личности отмечался рост несовершеннолетних и лиц в возрасте от 18 до 25 лет (в особенности среди осуждённых за тяжкие телесные повреждения, половые преступления и хулиганство) и, напротив, уменьшение числа лиц в зрелом и пожилом возрасте, но для них характерным было участие в таких преступлениях, как побои, оскорбления и так далее (Смирнова, 2001, С. 222–230). Социальный состав осуждённых за преступления против личности характеризовался следующим образом: 2/3 осуждённых приходится на крестьян, участие которых в этого рода преступлениях повышено против среднего уровня участия крестьян в преступности; процент, падающий на другие социальные группы, в общем, не отличается от среднего распределения осуждённых по всем другим преступлениям: на рабочих падает 13–14 %, на кустарей – 3 %, на лиц свободных профессий – 0,1 % и так далее.

Анализируя причины, предопределившие увеличение или уменьшение отдельных видов преступлений, важно отметить, что решающую роль сыграло усилившееся в годы новой экономической политики расслоение общества. Это вызывало недовольство в малоимущей среде, а также желание и стремление выправить своё материальное положение любыми путями, причём в первую очередь за счёт возможности незаконного обогащения (Мягкова, 2021). Последнему в немалой степени способствовали коренные изменения, произошедшие в мировоззрении советских граждан спустя десять лет после революции. Среди этих изменений выделялись: рост атеизма и отказ от христианских заповедей; распространение анархизма в обществе и желание решать вопросы бытия без оглядки на власть и закон; порожденная социальным радикализмом распушенность в общественных отношениях; неуважение к закону; отсутствие социальной ориентации. Все эти факты дают основания утверждать, что конец эпохи новой экономической политики ознаменовался не только разработкой иной социально-экономической модели в Советской России, но и всплеском преступности, что закономерно вытекало из происходивших в стране в конце 1920-х гг. событий.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведённый анализ позволяет утверждать, что преступность в Советской России конца 1920-х годов представляла собой сложное и неоднородное явление, в котором причудливо переплетались пережитки прошлого и порождения нового времени. Изучение статистических данных и архивных материалов показывает, что завершающий этап

новой экономической политики сопровождался не просто количественными колебаниями числа правонарушений, но и глубокими качественными сдвигами в самой структуре преступности. На первый план выходили те виды деяний, которые были непосредственно связаны с социальным расслоением и экономическими противоречиями тех лет. Особого внимания заслуживает вывод о том, что рост преступности не был равномерным. Если имущественные преступления демонстрировали устойчивую динамику, отражая остроту продовольственных и товарных проблем, то хулиганство и бытовое насилие становились своеобразным индикатором общего падения уровня правовой культуры и моральной напряжённости в обществе. Одновременно с этим наблюдалось снижение числа некоторых видов политических преступлений, что объясняется ужесточением репрессивной политики и изменением подходов к их квалификации. Важно подчеркнуть, что социальный портрет преступника в тот период был крайне пёстрым: среди правонарушителей встречались как выходцы из рабочих и крестьянских семей, так и представители так называемых бывших людей, что опровергает упрощённые представления о классовом характере преступности. В конечном счёте всплеск преступности в конце 1920-х годов нельзя сводить исключительно к недостаткам правоохранительной системы или просчётам в воспитательной работе. Он был закономерным следствием глубинных социально-экономических преобразований, которые сопровождалось разрушением привычных устоев, массовой миграцией населения и обострением конкуренции за ресурсы. В этих условиях государство оказалось перед необходимостью не только ужесточать карательные меры, но и искать новые подходы к профилактике правонарушений, учитывающие реальные причины криминального поведения. Понимание этих процессов важно не только для исторической науки, но и для осмысления общих закономерностей развития общества в переломные эпохи. Представленное исследование лишь приоткрывает завесу над этой многогранной проблемой, оставляя простор для дальнейших изысканий и более детального изучения региональных особенностей преступности того времени.

Список литературы:

1. Бехтерева, Л. Н. Уголовная преступность 1920-х годов: региональные особенности / Л. Н. Бехтерева // Человек: преступление и наказание. – 2015. – № 4(91). – С. 43–47. – EDN VLKNQD.
2. Борисов, А. В. Проблемы борьбы с коррупцией в период «военного коммунизма» и начальный период Новой экономической политики / А. В. Борисов, Е. Ю. Степкин // Советское государство и право в период Новой экономической политики: Материалы международной научно-теоретической конференции, Санкт-Петербург, 30 марта 2021 года. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2022. – С. 189–197. – EDN LOPQTS.
3. Борисова, Л. В. НЭП в зеркале показательных процессов по взяточничеству и хозяйственным преступлениям / Л. В. Борисова // Отечественная история. – 2006. – № 1. – С. 84–97. – EDN HUIRAR.
4. Волженкин, Б. В. Взяточничество в истории советского уголовного законодательства (1918–1927 гг.) / Б. В. Волженкин // Известия высших учебных заведений. Правоведение. – 1993. – № 2. – С. 59–67. – EDN TPOUKB.
5. Епихин, А. Ю. ВЧК-ОГПУ в борьбе с коррупцией в годы новой экономической политики (1921–1928) / А. Ю. Епихин; А. Ю. Епихин, О. Б. Мозохин. – Москва: Кучково поле, 2007. – ISBN 978-5-901679-44-9. – EDN QQMSLB.
6. История государства Российского: истоки, процессы, проблемы: к 1150-летию образования / И. В. Бурковский, Д. Ю. Горохов, Н. И. Дорохов [и др.]. – Москва: Московский университет им. С. Ю. Витте, 2014. – 450 с. – ISBN 978-5-9580-0175-0. – EDN UJRFZX.
7. Кабанов, П. А. Коррупция и взяточничество в России: исторические, кримино-

логические и уголовно-правовые аспекты / П. А. Кабанов. – Нижнекамск: ИПЦ «Гу-зель», 1995. – 172 с. – EDN UAKPGN.

8. Лосяков, А. В. Борьба советской власти с коррупцией в Пензенской губернии в первые годы НЭПа (1921–1923) / А. В. Лосяков // XXI век: итоги прошлого и проблемы настоящего плюс. – 2015. – Т. 1, № 6(28). – С. 200–204. – EDN UYZEMJ.

9. Медушевский, А. Н. Политическая мысль и дискуссии 20-х годов XX в. / А. Н. Медушевский // Политическая наука. – 2001. – № 1. – С. 104–175. – EDN BDRGBB.

10. Мягкова, Е. М. Новая экономическая политика в публикациях архивных документов 1991–2021 годов / Е. М. Мягкова, А. В. Репников // Вестник ВНИИДАД. – 2021. – № 5. – С. 70–82. – EDN OTABHT.

11. Надеждина, В. А. Модернизация и НЭП: к вопросу о причинах провала «НЭПовского пути к социализму» / В. А. Надеждина // Вестник Оренбургского государственного университета. – 2005. – № 9(47). – С. 8–13. – EDN JVGNBJ.

12. Орлов, И. Б. Взятка и борьба с ней в годы НЭПа / И. Б. Орлов, Г. М. Маркосян. – Москва: Принципиум, 2011. – 199 с. – ISBN 978-5-9903270-1-6. – EDN QSJGQT.

13. Панин, С. Е. «Хозяин улиц городских». Хулиганство в Советской России в 1920-е годы / С. Е. Панин // Вестник Евразии. – 2003. – № 4. – С. 135–154. – EDN HYRHDL.

14. Пашин, В. П. Советская Россия в 1920-е годы: власть, социальные аномалии, общество: монография / В. П. Пашин, С. В. Богданов; В. П. Пашин, С. В. Богданов; Министерство образования и науки Российской Федерации, Курский гос. технический университет. – Курск: Курский гос. технический университет, 2006. – 295 с. – ISBN 5-7681-0290-6. – EDN QPFAIP.

15. Позднякова, А. С. Должностные преступления сотрудников правоохранительных органов в 1918–1919 гг. (по материалам Вятского губернского революционного трибунала) / А. С. Позднякова // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. – 2012. – № 4-5. – С. 79–83. – EDN PZHTML.

16. Семерков, С. С. Борьба ВЧК-ОГПУ с коррупцией в 20–30-е годы / С. С. Семерков, Н. М. Исайкин // Научно-практические исследования. – 2020. – № 6-6(29). – С. 79–82. – EDN WSUVHW.

17. Смирнов, П. П. Новая экономическая политика: политологический анализ / П. П. Смирнов // KANT: Social Sciences & Humanities. – 2023. – № 3(15). – С. 56–62. – DOI 10.24923/2305-8757.2023-15.6. – EDN KPQRJ.

18. Смирнова, Т. М. Образ «бывших» в советской литературе / Т. М. Смирнова // История России XIX–XX веков: новые источники понимания / Московский общественный научный фонд; под редакцией С. С. Секиринского. – Москва: Московский общественный научный, 2001. – С. 222–230. – EDN HEIEBD.

19. Сушко, А. В. Борьба с пьянством в органах ОГПУ в Сибири в 1920-х гг. / А. В. Сушко // Вестник Томского государственного университета. – 2020. – № 452. – С. 160–167. – DOI 10.17223/15617793/452/19. – EDN RSSSWM.

20. Уголовно-процессуальные, криминалистические и оперативно-разыскные вопросы раскрытия и расследования преступлений, совершаемых в учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы / Д. А. Запывалов, Л. М. Фетищева, Ю. А. Ложкин [и др.]. – Пермь: Пермский институт Федеральной службы исполнения наказаний, 2025. – 183 с. – ISBN 978-5-907763-93-7. – EDN DTCNWU.

21. Чигрин, М. В. Должностные преступления сотрудников правоохранительных органов в 1918–1919 годы (по материалам Симбирского губернского революционного трибунала) / М. В. Чигрин // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. – 2018. – Т. 20, № 3-2(83). – С. 315–320. – EDN YXKFDN.

22. Шабельникова, Н. А. Деятельность правоохранительных органов по борьбе с преступностью на Дальнем Востоке России в 1920-е годы / Н. А. Шабельникова. – Москва: Общество с ограниченной ответственностью «Перспект», 2016. – 144 с. – ISBN 978-5-392-23551-3. – EDN SNAFHU.

23. Яров, С. В. К вопросу о причинах роста алкоголизма в 1920-х годах / С. В. Яров // Народная борьба за трезвость в русской истории: Материалы семинара, Ленинград, 18 декабря 1989 года / Библиотека Академии наук СССР; отв. ред. д.и.н. Р. Г. Скрынников, Н. А. Копанев. – Ленинград: Библиотека Академии наук СССР, 1989. – С. 42–44. – EDN ZWEWFV.

Сведения об авторе:

МЕТЕЛЬКОВА Евгения Александровна, проректор по воспитательной работе и молодёжной политике, Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова, адрес: 150003, Россия, г. Ярославль, ул. Советская, д. 14, e-mail: e.metelkova@uniyar.ac.ru

SPIN-код: 5649-6592, AuthorID: 953116

ORCID <https://orcid.org/0009-0001-5610-1260>

References:

1. Bekhtereva, L. N. (2015) Criminal Offense in the 1920s: Regional Features. Man: Crime and Punishment. no. 4 (91). Pp. 43-47. (In Russ.). EDN VLKNQD.
2. Borisov, A. V. (2022) Problems of the Fight against Corruption during the Period of «War Communism» and the Initial Period of the New Economic Policy: A. V. Borisov, E. Yu. Stepkin. The Soviet State and Law during the New Economic Policy: Proceedings of the International Scientific and Theoretical Conference, St. Petersburg, March 30, 2021. St. Petersburg: St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation. Pp. 189-197. (In Russ.). EDN LOPQTS.
3. Borisova, L. V. (2006) NEP in the Mirror of Show Trials for Bribery and Economic Crimes. Domestic History. no. 1. Pp. 84-97. (In Russ.). EDN HUIRAR.
4. Volzhenkin, B. V. (1993) Bribery in the History of Soviet Criminal Legislation (1918-1927). News of Higher Educational Institutions. Jurisprudence. no. 2. Pp. 59-67. (In Russ.). EDN TPOUKB.
5. Epikhin, A. Yu. (2007) The Cheka-OGPU in the Fight Against Corruption during the New Economic Policy (1921-1928): A. Yu. Epikhin; A. Yu. Epikhin, O. B. Mozokhin. Moscow: Kuchkovo po-le. ISBN 978-5-901679-44-9. (In Russ.). EDN QQMSLB.
6. History of the Russian state: origins, processes, problems: on the 1150th anniversary of its formation: I. V. Burkovsky, D. Yu. Gorokhov, N. I. Dorokhov [et al.]. Moscow: Moscow University named after S. Yu. Witte, 2014. 450 p. ISBN 978-5-9580-0175-0. (In Russ.). EDN UJRFZX.
7. Kabanov, P. A. (1995) Corruption and bribery in Russia: historical, criminological and criminal-legal aspects. Nizhnekamsk: IPC «Guzel». 172 p. (In Russ.). EDN UAKPGN.
8. Losyakov, A. V. (2015) The Soviet government's fight against corruption in the Penza province during the first years of the NEP (1921-1923). The 21st century: results of the past and problems of the present plus. Vol. 1, no. 6(28). Pp. 200-204. (In Russ.). EDN UYZEMJ.
9. Medushevsky, A. N. (2001) Political thought and discussions of the 1920s. Political science. no. 1. Pp. 104-175. (In Russ.). EDN BDRGBB.
10. Myagkova, E. M. (2021) New Economic Policy in Publications of Archival Documents from 1991-2021: E. M. Myagkova, A. V. Repnikov. Vestnik VNIIDAD. no. 5. Pp. 70-82. (In Russ.). EDN OTABHT.
11. Nadezhkina, V. A. (2005) Modernization and NEP: on the Issue of the Reasons for the Failure of the «NEP Path to Socialism». Bulletin of Orenburg State University. no. 9 (47). Pp. 8-13. (In Russ.). EDN JVGNBj.
12. Orlov, I. B. (2011) Bribery and the Fight Against It during the NEP Years / I. B. Orlov, G. M. Markosyan. Moscow: Principium. 199 p. ISBN 978-5-9903270-1-6. (In Russ.). EDN QSJGQT.
13. Panin, S. E. (2003) «Master of the City Streets». Hooliganism in Soviet Russia in the 1920s. Vestnik Evrazii. no. 4. Pp. 135-154. (In Russ.). EDN HYRHDL.

14. Pashin, V. P. (2006) Soviet Russia in the 1920s: Power, Social Anomalies, Society: Monograph: V. P. Pashin, S. V. Bogdanov; V. P. Pashin, S. V. Bogdanov. Kursk: Kursk State. Technical University. 295 p. ISBN 5-7681-0290-6. (In Russ.). EDN QPFAIP.
15. Pozdnyakova, A. S. (2012) Official crimes of law enforcement officers in 1918-1919 (based on the materials of the Vyatka Provincial Revolutionary Tribunal). Bulletin of the Vyatka State Humanitarian University. no. 4-5. P. 79-83. (In Russ.). EDN PZHTML.
16. Semerkov, S. S. (2020) The Fight of the Cheka-OGPU Against Corruption in the 1920s-30s: S. S. Semerkov, N. M. Isaikin. Scientific and Practical Research. no.6-6 (29). Pp. 79-82. (In Russ.). EDN WSUVHW.
17. Smirnov, P. P. (2023) New Economic Policy: Political Science Analysis. KANT: Social Sciences & Humanities. no. 3 (15). Pp. 56-62. DOI 10.24923/2305-8757.2023-15.6. (In Russ.). EDN KPEQRJ.
18. Smirnova, T. M. (2001) The Image of the «Former» in Soviet Literature. History of Russia in the 19th – 20th Centuries: New Sources of Understanding. Moscow: Moscow Public Scientific Foundation. Pp. 222-230. (In Russ.). EDN HEIEBD.
19. Sushko, A. V. (2020) The Fight Against Drunkenness in the OGPU Bodies in Siberia in the 1920s. Bulletin of Tomsk State University. no. 452. Pp. 160-167. DOI 10.17223/15617793/452/19. (In Russ.). EDN RSSWM.
20. Criminal procedural, forensic and operational-search issues of solving and investigating crimes committed in institutions and bodies of the penal system: D. A. Zapivalov, L. M. Fetishcheva, Yu. A. Lozhkin [et al.]. Perm: Perm Institute of the Federal Penitentiary Service, 2025. 183 p. ISBN 978-5-907763-93-7. (In Russ.). EDN DTCNWU.
21. Chigrin, M. V. (2018) Official crimes of law enforcement officers in 1918 - 1919 (based on the materials of the Simbirsk Provincial Revolutionary Tribunal). Bulletin of the Samara Scientific Center of the Russian Academy of Sciences. Vol. 20, no. 3-2 (83). Pp. 315-320. (In Russ.). EDN YXKFDN.
22. Shabelnikova, N. A. (2016) Activities of law enforcement agencies to combat crime in the Russian Far East in the 1920s. Moscow: Limited Liability Company «Prospekt», 144 p. ISBN 978-5-392-23551-3. (In Russ.). EDN SNAFHU.
23. Yarov, S. V. (1989) On the question of the reasons for the growth of alcoholism in the 1920s. People's struggle for sobriety in Russian history: Seminar materials, Leningrad, December 18, 1989: Library of the USSR Academy of Sciences; Rep. ed. Doctor of History R.G. Skrynnikov, N.A. Kopanov. Leningrad: Library of the USSR Academy of Sciences. Pp. 42-44. (In Russ.). EDN ZWEWFV.

Author:

METELKOVA Evgeniya Aleksandrovna, Vice-Rector for Educational Work and Youth Policy, P.G. Demidov Yaroslavl State University, address: 14, Sovetskaya St., Yaroslavl, 150003, Russian Federation, e-mail: e.metelkova@uniyar.ac.ru

SPIN-код: 5649-6592, AuthorID: 953116

ORCID <https://orcid.org/0009-0001-5610-1260>

Конфликт интересов: автор заявил об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и/или публикации данной статьи.

Conflict of interests: The authors declared no potential conflicts of interests regarding the research, authorship, and/or publication of this article.

© Метелькова Е. А., 2026

Submitted for possible open access publication under the terms and conditions of the Creative Commons NonCommercial license <https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/>